

УДК 323.1

Михалёва И.В.

Этносоциальная и культурная основа российской и южнокорейской демократии

Ethnosocial and cultural base of Russian and South Korean democracy

В статье затронуты вопросы, касающиеся этносоциальной фрагментации общества, как в России, так и в Южной Корее. Кроме того, рассмотрены культурные факторы демократизации в обеих странах.

Ключевые слова: этносоциум, фрагментация, полиэтнос, диаспорная группа, этнополитическая сфера.

The questions, concerning to the ethnosocial fragmentation of societies, both in Russia and in South Korea are mentioned in the article. Besides, cultural factors of democratization in both countries are considered.

Key words: *ethnosociety, fragmentation, polietnos, diaspora's group, ethnopolitical sphere.*

Россия является страной, которая стремится соединить демократическое устройство политической системы с высокой этносоциальной фрагментацией общества. Народ, составляющий большинство в стране, национальности, дающие название российским республикам, и не имеющие административных образований, диаспорные группы и среди них новые мигранты – все они имеют разные проблемы, решение которых зависит от модели развития межнациональных отношений, которую выработывает государство и общество [1, с. 17].

По пути демократических преобразований в последние десятилетия движется и южнокорейское государство. Однако в случае с Кореей мы не можем говорить об этносоциальной неоднородности.

Опираясь на вышеназванные факты, представляется необходимым обозначить цель статьи, а именно, провести сравнительный анализ этносоциальной и культурной основы России и Южной Кореи, с выяв-

лением ее влияния на становление демократии в обоих государствах. Актуальность данной статьи представляется в том, что нами сравнивается этносоциальная и культурная база демократии в полиэтническом (Россия) и моноэтническом (Республика Корея) государствах.

В связи с поставленной целью, необходимо решить следующие задачи:

- выявить этнонациональные особенности России и Южной Кореи;
- изучить понятие "менталитет" применительно к понятию "этносоциум" РФ и РК;
- исследовать фактор "социальной неоднородности" и его влияние на становление демократических институтов.

Автор данной статьи разделяет представление об объективном характере этнических общностей. Этническая группа объективна, реальна, хотя бы уже тем, что осознает себя как таковую. Другое дело, что эта объективная реальность проявляется именно на уровне этнической самоидентификации, самоосознания внутренней общности и своего отличия от других подобных национальных ("мы – не мы"). Этническая принадлежность не дается от рождения, не определяется "родством крови", единством исторического происхождения, территории, языка и т.п. Этническое единство – чисто культурный феномен, ибо оно заключено в сознании людей.

На сегодняшний день население России составляет 145 166 731 человек.

Первую его группу составляют этносы, имеющие свою национальную государственность, т.е. "титulyные" в суверенных государствах (бывших союзных республиках) [2, с. 19].

Вторую группу составляют этносы, имеющие элементы государственности в рамках своих национальных образований (входящих в состав суверенных государств) [2, с. 20].

Третью группу составляют этносы, не имевшие в СССР собственных национально-территориальных образований, но заявившие о своих правах на них.

Четвертую группу образуют территориальные общности соотечественников, проживающих вне своих национальных образований. С распадом СССР за их пределами оказалось около 65 млн. чел. (из них в странах СНГ и Балтии больше всего русских и украинцев – свыше 25 и 6 млн. чел. соответственно), не считая этнических групп, имеющих "свой" государства за рубежом бывшего СССР (греков, болгар, немцев и т.п.) [2, с. 21].

Этнополитические проблемы, так же как этносоциальные, за десятилетие трансформаций в России существенно изменили значимость и содержание. Из главных для политической жизни страны в начале 1990-х гг. они стали не первостепенными. Угроза сепаратизма как центральная проблема сменилась опасностями фобий и экстремизма [3, с. 79].

Приведение законов в этнополитической сфере в соответствие с нормами международного права и международными договорами РФ состояло, прежде всего, в отмене 5-го пункта, изменении фиксации национальности в паспорте. Наконец, безусловно, важным было то, что в 1990-е гг. люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке [3, с. 117].

Демократизация не привела к исчезновению представлений о преимуществе доминирующей этнической группы, существующих как у русских, так и у представителей иных национальностей. В реализации важнейших жизненных устремлений – получить хорошо оплачиваемую работу, открыть свое дело, занять высокий пост в органах власти, так-

же как и ранее наибольшие возможности в республиках имеют, прежде всего, лица титульных национальностей, а в областях с доминирующим русским населением – русские.

Демократические государства используют специальные приемы солидаризации полиэтнических обществ. Так, выражением принципов интегральной демократии являются показательные назначения на высокие посты лиц иной, чем большинство, расовой или этнической принадлежности, с соответствующими этим должностям способностями.

В условиях глобализации и демократизации в государствах растёт приток мигрантов разной этнической принадлежности. В России эта проблема обострена меньшей готовностью принимающего населения и повышенными ожиданиями прибывающего. Здесь проблемы восприятия и адаптации мигрантов легли на травмированное после распада СССР, национальных движений, последствий чеченских событий сознание большинства.

Существуют тенденции, позволяющие прогнозировать, что проблемы этнической неприязни, экстремизма отнесут по своей значимости для страны этнически нагруженные проблемы взаимоотношений Центра и республик.

Что же касается Республики Корея, то здесь строительство политической системы с учетом этнонациональных особенностей и менталитета выглядит следующим образом.

Южная Корея представляет собой образец моноэтнического "национального государства", в котором этническая идентичность (этнокультура) и национальная идентичность (нациокультура) существуют параллельно, в одном социально-политическом пространстве. Всё население исконно представляет собой "aboriginal peoples" одной этнокультурной генерации – корейцы. Судьба исторического тела этничности корейцев сложилась так, что оно же стало основой национального корейского государства, не будучи при этом разрушено. Нациокультура формируется, культивируется государством с помощью идеи "единой Кореи", которая тесно связана с мифом о происхождении всех корейцев от одного предка (миф о Тан-гуне) [3, с. 50].

Этническая идентичность корейцев существовала "параллельно" с идентичностью национальной и достаточно гармонично коэволюционировала вместе с нею. Важнейшим структурным элементом этнической идентичности выступали и выступают династические сети – институт корейской семьи (hoju).

В современном контексте "демократического транзита" институт управления семьёй остаётся неотъемлемым каркасом "коротких" отношений корейского общества, которые закреплены соответствующими законами Кореи.

В Корею считают, что эти законы надо приводить в соответствие с реалиями современности, но отменять институт управления семьёй нет необходимости. Под требования системы управления семьёй во многом приспособлены и структуры муниципального самоуправления и обслуживания.

В Южной Корею наблюдается модель эволюции "этноса" и "нации", при которой историческое тело этничности, с теми или иными контекстуальными образами, сохраняется до сегодняшнего дня.

В случае сохранения исторического тела своей этничности корейцы сохраняют не только самобытную культуру, но и связанные с ресурсами "духовного капитала" конкурентные преимущества в системе региональных и глобальных экономических отношений.

В этой связи мажоритарный характер демократии в Южной Корею предполагает согласие с волей большинства избирателей не только

проголосовавшего меньшинства, но и кандидатов победившей партии оставшихся за бортом предвыборной гонки в результате нахождения в нижних позициях партийных списков. Такая ситуация позволяет манипулировать волеизъявлениями избирателей, включая в заведомо неизбираемые позиции партийных списков влиятельных и авторитетных людей, которые изначально не имеют прямого намерения становиться депутатами парламента и участвовать в управлении делами государства через посредство законотворческой деятельности [4, с.72].

Изучение политико-юридических проблем и особенностей государственного строительства на Корейском полуострове в нашей стране носит ограниченный характер, поскольку в случае с Кореей мы не можем, говорить об этносоциальной неоднородности.

Кроме того, в рассматриваемой сфере исследований заметен существенный дисбаланс в сторону, во-первых, экономической, культурной либо чисто политической проблематики, во-вторых, в отношении Южной Кореи, что отражает конъюнктуру развития геополитики и, в какой-то мере, направлено на обслуживание интересов западных стран [6, с. 160].

Подобный подход чуть было не привел к неадекватному восприятию практической политикой ситуации на Корейском полуострове. В данном контексте необходимо рассмотреть социальную организацию общества и Северной Кореи (КНДР).

Все население КНДР в зависимости от своего происхождения подразделяется на 51 группу, которые образуют три слоя: "основной" "колеблющийся" и "враждебный".

Разумеется, нет никакой возможности даже приблизительно определить численность этих групп. Разнойой в данных по этому вопросу редкостный. Так, в 2006 г. в одной южнокорейской коллективной монографии со ссылкой на издание Министерства объединения (эти издания весьма богаты фактами, но, увы, не ссылками, и, похоже, часто опираются на разведывательную информацию) было заявлено, что численность "основного", "колеблющегося" и "враждебного" слоев составляет 28%, 45% и 27% соответственно [5, с.18].

Цифры эти были бы, по крайней мере, правдоподобны, если бы в другом разделе той же самой коллективной монографии не содержались, со ссылкой на американскую публикацию, совсем другие цифры: 25%, 24 %, 51% [5, с. 18].

Такой разброс еще раз подчеркивает то обстоятельство, что серьезной информации пока ни у кого нет.

Вместе с тем, ограниченность исследований Корейского полуострова не должна отождествляться лишь с недостаточностью активности ученых. Современное состояние науки в рассматриваемом вопросе имеет и объективные причины.

В частности, Республика Корея (в отличие от КНДР), будучи демократическим и либерально настроенным государством, охотно предоставляет практически любую информацию о себе, спокойно и адекватно воспринимая как научные дискуссии, так и предложения по вопросам государственно-правового и этносоциального развития [7, с. 14].

Учитывая вышесказанное, необходимо сопоставить некоторые обстоятельства процессов общественных трансформаций, протекающих в Корее и России, с точки зрения демократических транзитов.

Прежде всего, как мы уже отмечали выше, обращают на себя внимание различные отправные точки этих двух разновидностей демократического транзита – с одной стороны, репрессивный военный режим, осуществивший авторитарную модернизацию и породивший социальные силы и коалиции, заинтересованные в либерализации. С другой

стороны, посттоталитарный режим, стремящийся найти механизмы выживания.

Соответственно, различны и задачи, стоящие перед архитекторами демократизации – с одной стороны, демократизация выступает как продукт экономического успеха, с другой – демократизация направлена на поиск средств для осуществления экономических реформ ради спасения режима. Как раз в этой связи возникает принципиальной важности вопрос: действительно ли экономический рост (пусть даже достигаемый авторитарными средствами) является предпосылкой демократизации, как постулирует традиционная теория? Раньше это считалось аксиомой – и Республика Корея как будто бы дает этому прекрасное подтверждение. В действительности, прямой связи здесь нет. Процессы демократизации могут начинаться и в экономически неразвитых странах. Другое дело, что уровень экономического развития способствует сохранению и консолидации демократии [8, с.150].

В любом случае для России корейский вариант авторитарной модернизации, создающей предпосылки для демократизации (как не устают говорить некоторые наши российские адепты просвещенного авторитаризма как пути к демократии), совершенно неприемлем. В Корею он опирался на прямое принуждение, невозможное у нас сейчас, и на трудовые навыки и нормы конфуцианства, также полностью у нас отсутствующие.

Последнее развитие событий в Корею несколько по-новому ставит вопрос и о последовательности экономических и политических реформ. Сейчас складывается впечатление, что в корейском обществе все шире признается необходимость продвижения экономических реформ – но оно невозможно без продолжения политических реформ. Это, в свою очередь, ставит под вопрос казавшуюся предсказуемой последовательность – сначала авторитарная модернизация, а после – политическая демократизация.

В заключение статьи автору представляется целесообразным сделать следующие выводы.

Корейский и российский опыт заставляют пересмотреть роль культурных факторов, которые, как мы подчеркнули выше, долгое время считались одним из важнейших структурных элементов демократизации.

Конфуцианство и обломки советской культуры (с примесью православия) – далеко не "культура гражданственности", на которой, согласно классической теории, вырастают демократические институты, и на которую опирается этнос. Они, – демократические институты, – могут рождаться как процедуры, избираемые и навязываемые реформаторами. В этом состоит, как представляется, один из важных выводов, который можно сделать из сравнительного анализа корейского и российского феноменов демократизации.

Вместе с тем, для того, чтобы эти институты не стали формальными фасадами для недемократического правления, для того, чтобы обеспечить консолидацию демократии, как раз и важны такие культурные факторы как формирование и закрепление в национальных культурах демократических норм и ценностей. А это требует гораздо большего времени (вплоть до смены поколений), нежели слом авторитарного режима.

Слабые неконсолидированные демократии в Корею и России поражены серьезными и во многом врожденными недугами. Один из главных в обоих случаях – консервативный характер демократического транзита, в результате чего старые правящие группировки сохраняют свое влияние при новом режиме. Однако не менее значительное тормозящее и искажающее влияние на ход общественных преобразований оказывают

по-прежнему широко распространенные в корейском и российском обществах традиционные культурные ценности и их фрагментированная (в одном случае клановой, а в другом – этнической принадлежности) социальная структура.

Литература

1. Воронцов А. Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы. //Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 46-50 .
2. Кретов Б.И. Политические процессы в России// Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С.11-18.
3. Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований// Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм.- 2005. № 3. С. 19-74.
4. Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассовых и раннеклассовых обществ. М.: Инфо, 2006.
5. Пляйс Я. Политическая власть в России в поисках новой идентичности (аналитический обзор диссертационных исследований российских политологов) // Власть. 2006. № 10. С.17-19.
6. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса и конституционный вопрос в Республике Корея // Известия Восточного института ДВГУ. 1999. № 5. С. 159-178.
7. Толстокулаков И.А. Воздействие процессов демократизации на экономическую ситуацию в Южной Корее // II науч. конф. преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ: Тез. докл. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1997. С. 14-15.
8. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики: Монография. Владивосток: Изд-во ДВГУ , 2003. 444 с.